

**Константин
ГНЕТНЕВ**

г. Петрозаводск

Родные сердцу имена

Заметки о коллегах

ЖИТЬ, СЛУШАЯ САМОГО СЕБЯ

**О православном писателе
Николае Михайловиче КОНЯЕВЕ**

Первая крупная публикация биографической повести питерского писателя Коняева о Николае Рубцове «Путник на краю поля» в литературном, а не в газетном издании, состоялась в журнале «Север» (№ 1-2, 1992 год). Николай Михайлович продолжал работать над ней и в том или ином виде публиковать. И только через пятнадцать лет во всей полноте этот образец литературно-публицистического жития нашего современника, исполненный словесного искусства и страстной публицистики, достиг своего завершения в 544-страничном томе «Николай Рубцов. Ангел Родины» (Алгоритм, 2007). К нынешнему году известны уже около 30 переизданий этой книги.

Повесть о Рубцове открыла российскому читателю Коняева-биографа. После «Ангела Родины» он создал череду великолепных биографических произведений о Валентине Пикуле, Дмитрие Балашове, настоятеле Валаамского монастыря Домаскине,

митрополите Санкт-Петербургском и Ладожском Иоанне (Снычеве), Алексее Кулаковском... Великолепный, подчас неожиданный литературоведческий анализ, глубинное, непривычное для писателя проникновение в историю, совершенный язык, блестящая стилистика... Всё это делает повести-портреты Коняева вершинами мастерства в жанре для отечественной литературы куда как традиционном и более чем освоенном.

Невозможно не сказать и о главном отличии: ленинградец, петербуржец Коняев – русский писатель и пишет о православной корневой русскости в литературе. Он постоянно подчёркивает патриотические черты своих героев. При этом, разумеется, всегда знает, что именно это обстоятельство, а не субъективные оценки или мелкие ошибки в текстах, вызывает ожесточение и злобу иных. Но всегда идёт на рать с открытым забралом, как и подобает русскому воину.

Особая тема – время, когда появилась повесть о Рубцове. О кошмаре последнего десятилетия XX века, о 90-х, много написал сам Николай Михайлович. «Застигнутые ночью» – так назвал он дневниковые записи о том лихом и трагическом времени. К слову,

писательскому дневнику Коняева журнал «Север» под руководством Елены Пиетилияйнен отвёл беспрецедентное место, продолжая публикацию в 2015 и 2018 годах. На Отечество опустилась ночь – вот так, по Коняеву, если одним словом.

А в те смутные годы ночь переживал и журнал, с радостью ухватившийся за повесть Коняева. Помню сдержанную восторженность главного редактора Олега Тихонова на планёрке: «Год откроем «Путником» Коняева, да. Замечательная вещь, свежая, очень нам нужная. И Дмитрий Яковлевич Гусаров прочитал. Будем открывать Коняевым...»

Как было принято, редакция прочла повесть по кругу, впечатлилась и согласно молчала. По традиции год открывали самым лучшим, что загодя припасали в редакционном портфеле.

Между тем атмосфера в журнале складывалась тяжёлая. Летом 1990 года редакцию оставил Дмитрий Яковлевич Гусаров. За 40 журнальных лет, 36 из которых в кресле главного редактора, он выработал весь свой литературный и человеческий ресурс. А 90-е годы поставили такие проблемы, решать которые он оказался не готов. Не произвол цензоров облита, не раздражение партийных чиновников и доносы литераторов-неудачников, с которыми он давно научился справляться, а полное пренебрежение власти, хроническое безденежье, тихий, безликий и потому безнаказанный саботаж – вот что приходилось преодолевать теперь, чтобы элементарно выжить.

На заседании редакционной коллегии – последней в статусе межрегиональной, каким был до сих пор «Север», – редколлегии, которая готовилась в условиях чрезвычайно нервных, подчас истеричных, главным редактором избрали Олега Назаровича Тихонова. Он 22 года был заместителем Д.Я. Гусарова. В заместители О. Н. Тихонову назначили меня. К этому времени журнал потерял всякую надежду на поддержку сверху, из Союза писателей, раздираемого своими страстями и дележом, и снизу, в Карелии, где также всё бурлило и пенилось, изрядно приправляемое националистической перчинкой.

«Портфель будущего года хорошо сложился даже по линии современной литературы. Будут новые крупные вещи Д. Балашова, В. Маслова, Н.Коняева, Ю.Галкина и других. Но... Нынешнее состояние литературы никому не интересно, – писал Д.Я. Гусаров 12 октября 1991 года. – Нужны лишь деньги, деньги, деньги...»

Из письма 20 января 1992 года:

«Ведь журнал «Север» на краю гибели в условиях рынка, инфляции и повального меркантилизма сознания, который каждодневно навязывают нам и политики, и пресса. Портфель «Севера» на 1992 год

прекрасен, но убытки ставят его перед гибелью...»

Мы столкнулись с тихим саботажем: журнал перестали продавать. Мало того, его прекратили доставлять подписчикам. Мы получали письма читателей: вышедшие номера не доходят до адресатов. Один из давних подписчиков-москвичей по нашей просьбе провёл собственное расследование и обнаружил на московском главпочтамте, где-то в дальнем углу, целую гору книжек «Севера», которые никто не собирался отправлять ни в регионы, ни даже адресатам в Москве. Ссылки на неразбериху не убеждали: «Огонёк» Коротича и схожие с ним по сенсационно-погромно-разоблачительному направлению издания доходили до Карелии быстрее, чем прежде.

Разумеется, проникнутые русским духом романы Дмитрия Балашова и Виталия Маслова, а также повесть Николая Коняева о Рубцове никак не способствовали, чтобы доставка «Севера» была разблокирована. С началом 1992 года редакции пришлось отказаться от розницы вообще, как от дела в тех условиях совершенно бессмысленного. Тираж журнала опустился до 12 тысяч экземпляров.

«Бумаги нет, финансовой помощи тоже, а главное, никому нет дела наверху, что гибнет последний очаг литературы на Севере, как, впрочем, и по всей Руси Великой; что через очень недолгое время мы все станем чужестранцами на родной земле. Никогда ещё за всю тысячелетнюю историю наша Родина не была в таком униженном состоянии», – писал Д.Гусаров 17 февраля 1992 года.

Первые два номера журнала с повестью Н. Коняева, хоть и с некоторыми задержками, вышли в начале 1992 года. Редакция объявила, что средств на содержание хватит едва ли до конца года, и только при условии самой жесточайшей экономии. Рассчитывать на 1993 год не стоит, поскольку журнал издавать не на что... В карельской прессе поднялась волна читательских протестов. Под рубрикой «Северу» – быть!» газеты опубликовали около 50 подборок читательских писем и статей в защиту журнала. Было опубликовано обращение 15 писателей Финляндии, потребовавших от властей сохранить журнал.

В этих условиях Верховный Совет Карельской АССР отсидеться не мог и поставил вопрос на обсуждение. В результате карельские депутаты приняли постановление «о поддержке творческой жизни» в республике. Двум журналам на национальных языках выделили 14 млн рублей. «Северу» не выделили ни копейки на том основании, что он... не карельский, а всероссийский. Однако расчёт на оживление творческой жизни в национальных журналах был напрасным. Национальные кадры спешно покидали республику. Последователь-

но один за другим уехали в Финляндию оба главных редактора журнала на финском языке.

«Вот Москва пусть вам и платит!» – таким оказался мотив выступлений народных избранников по поводу русского «Севера». Да и чего было ждать, если незадолго до этого Верховный Совет Карельской АССР поставил в повестку дня вопрос... об отделении от России. Почти 40% депутатов отдали голоса за отделение. Это позорная страница в истории т.н. карельского парламентаризма, о которой современные историки предпочитают не упоминать.

Журнал «Север» спас глава города Петрозаводска Сергей Леонидович Катанандов. Когда вопрос о финансировании повис в воздухе и на приобретение бумаги и для оплаты типографии не осталось ни рубля, городская администрация перечислила редакции первые 400 тыс. рублей. В этих почти невыносимых для нормального существования условиях главный редактор Олег Тихонов решил отметить повесть Николая Коняева «Путник на краю поля» премией журнала.

– Мы должны найти хоть сколько-нибудь денег, – сказал он мне, отправляя в поиск. – Это такая у Коли получилась вещь, что я себя не прощу...

Но кто решится дать деньги, когда вокруг развал и разруха, когда зарплаты не выплачиваются по полгода? Положение спас мой давний знакомый Анатолий Иванович Чикулаев. В прошлом спортсмен, очень уравновешенный и рассудительный человек, он начинал карьеру в районном Беломорске начальником строительной организации. Там мы и познакомились. Затем перебрался в Петрозаводск и руководил местным отделением Стройбанка. С началом 90-х Чикулаев возглавил Нордвестбанк, к тому времени один из крупных в Карелии.

– Ты думаешь, всюду тьма кромешная, а у меня в банке рай земной? – спросил он язвительно. – Давай я тебе лучше красивый календарь подарю.

Во второй или уже третий мой визит в тихий и просторный кабинет на улице большевика Куйбышева, когда я собрал уже и календари, и все красивые рекламные буклеты банка, Чикулаев сказал, что есть одна проблема:

– А каким образом я смогу объяснить учредителям, зачем я отдал вам деньги? Просто так взял и отдал, да?

И мы сошлись на том, что поместим на третью страницу обложки заведомо бесполезную для всех рекламу и назовём банк соучредителем годовой премии «Севера». На том и порешили. Ежегодную литературную премию «Севера» через много лет возродила главный редактор Елена Евгеньевна Пиетиляйнен, повторно вручив её Николаю Михайловичу в 2014 году.

Мне неизвестно, были ли знакомы лично Николай Михайлович Коняев и Дмитрий Яковлевич Гусаров при разности в возрасте в четверть века. Думаю, встречались накоротке где-нибудь в Москве или Ленинграде. Советское время было обильно на пленумы, совещания, конференции и прочие «дни» и «декадни». Но то, что хорошо знали друг о друге – это точно. Ещё школьником Коняев писал из Вознесенья в редакцию «Севера» с просьбой сообщить адреса издательств и крупных газет, а также разъяснить порядок заключения договоров на издание книги. Любопытно, что его первая литературная публикация состоялась лишь спустя девять лет в альманахе «Молодой Ленинград».

Интересно другое – синусоида литературной жизни Коняева в точности совпала с гусаровской. Оба они начинали с прозы, как художники, и оба закончили как документалисты, сосредоточившись исключительно на художественно-документальном жанре. Д.Я. Гусаров очень ярко заявил о себе после войны повестью «Плечом к плечу», затем романами «Цена человеку», «Боевой призыв», «За чертой милосердия», а закончил биографическими и сугубо документальными «Партизанской музыкой» и «Историей неоконченного поиска».

Н.М. Коняев примерно до 1998 года издал полдесятка романов и множество сборников рассказов, был отмечен В. В. Кожиновым, мнение которого много значило в литературном мире, как известный прозаик и художник слова. В 1998 году Коняев выпускает два исторических романа «Костёр Аввакума» и «Великая северная ревизия». В это время в его жизни начинается совсем другая глава – сугубо документальная, историческая; глава, отданная исключительно реальным, а не придуманным личностям, полузабытым или сознательно замалчиваемым событиям и фактам отечественной истории.

Современные специалисты-маркетологи пишут, что литература non-fiction сегодня продаётся лучше, чем просто fiction. Это, наверное, так. Специалистам виднее. Но для Гусарова в начале 80-х прошлого века и для Коняева в конце 90-х и начале нулевых вопросы распространения тиража едва ли были определяющими в выборе творческого направления. Тогда что же было? Почему они, тоскуя за писательским столом о вольном романном повествовании, руководимом только собственными представлениями о художественной правде, сознательно заковывали себя в жесточайшие рамки архивных документов, строк биографий и известных тысячам читателей текстов, отступить от которых невозможно ни на йоту?

У меня нет ответа на этот вопрос. Но думается,

дело тут в осознании собственной писательской миссии. Гусаров знал о партизанской войне больше иных. Он хотел сохранить, донести это знание потомкам не в изображении придуманных, внешне эффектных героев, а реальных, своих знакомых по отряду, с именами, фамилиями и только им присущими привычками. Коняев в какой-то момент остро осознал, как последовательно и неуклонно извращается, переписывается великое прошлое России, сознательно опошляются, окутываются в коконы слухов, наветов и прямой лжи лучшие, самые заслуженные и святы для Отечества имена.

Коняев однажды понял, что сатанинское наступление на православную Русь, на наше самосознание, не привычная фигура речи светочей православной мысли, а повседневная реальность обычной жизни. Понял и не счёл для себя возможным смириться с этим.

О книгах Николая Михайловича Коняева, о его героях много написано и будет написано ещё больше. Его книги не оставляют равнодушным. Они либо принимаются всем сердцем, либо вызывают раздражение и злобу. Периоды-главы его творчества: художественная проза, историческая проза и публицистика, биографическая проза, большой пласт литературы православной тематики, – каждый сам по себе составил бы добрую карьеру отдельному писателю. Они и рассмотрению подлежат особому и обстоятельному, так, как знаменитый «Русский хронограф. История России в датах», созданный вместе с супругой Мариной, либо цикл о династии Романовых.

В беглых заметках хочу подчеркнуть чрезвычайно редкое умение Николая Михайловича указать на главное в жизни героев и их окружения, имея в виду только биографические жизнеописания. В двух привычных ипостасях генерала Власова – предатель и борец со сталинизмом, Коняев подчёркивает третью: он ещё и жертва; жертва не обстоятельств, а намеренного действия генералов, поставивших его в заведомо безнадежное положение, выхода из которого нет, кроме гибели...

В судьбе поэта Рубцова Коняев увидел заданную сатанинскую предрешённость не смерти даже, а уничтожения, и не только великого русского поэта, но и Коли Рубцова-внука и глумления над памятью. «Агрессией безнравственности и цинизма, подпитываемой нашим равнодушием, нашим русским недоброжелательством друг к другу», – назвал это писатель. Он буквально по слогам рассказывает, как сатанизм пользуется нашим равнодушием и правит бал. Убийца великого русского поэта агрессивно требует себе место в российской литературе не

просто как автор более-менее складных стихов, но в качестве убийцы Рубцова, и никак иначе. И что особенно жутко, находит в том поддержку.

Мимолётный коняевский штрих – утренняя кашка суперпопулярного В. С. Пикуля как символ одиночества большого писателя, загнанного и оболганного за патриотизм и русскость...

Великий подвиг русского исторического романиста патриота Дмитрия Балашова, жизнь которого оборвали тёмные силы, которые «не могли простить писателю пренебрежения ими»...

Николай Михайлович не был бы Коняевым исконно русской литературы, если за всей кажущейся чередой неслучайных случайностей, за трагизмом тысячелетней русской истории не видел бы Божьего провидения, не указал на источник истинной надежды. Блестящее тому свидетельство находим в жизнеописании Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Помните исполненную трагизма сцену встречи владыки с мэром Санкт-Петербурга Собчаком и супругой Нарусовой в холле гостиницы «Северная корона»? Как не ненавистен Собчак, но от него зависела передача церкви зданий Александро-Невской лавры, задержанная по непонятным причинам на три долгих года. С ним нужно было разговаривать... И вот встреча, и просьба Нарусовой о благословении. Какое может быть благословение для этих людей?! Немыслимо! Митрополит Иоанн оказывается лицом к лицу с проблемой, решение которой выше человеческих сил.

Нельзя не благословить и благословить невозможно! Крест по силам только Богу.

И Господь принял митрополичий крест на свои плечи...

Как ни печально признать, но Николай Коняев один из последних исконно русских православных писателей современной России. Приведёт ли Господь в отечественную литературу преемника и последователя, мы не знаем. Хочется думать, что приведёт. А пока будем перечитывать Коняева. Он оставил так много героев, такой сонм мыслей, указал на такие болезненные точки русского общественного самосознания, что размышлять о них предстоит ещё очень долго.

БОЖЬЯ КОЛЕЯ

**О писателе
Михаиле Михайловиче ПРИШВИНЕ**

В разные годы в орбиту Беломорско-Балтийского канала попадали многие писатели. Не говоря уже о десанте из 120 лучших литераторов страны, организованном 22-23 августа 1933 года ОГПУ СССР. О ББК писали Максим Горький, Лев Никулин, Мартин-Андерсен Нексе, Михаил Кольцов, Владимир Шкловский и многие-многие другие. Знаменитый в своё время Николай Погодин посвятил каналу нашумевшую пьесу «Аристократы»: «Шлюзы, дамбы, скалы, аммоналы, валуны, пльвуны, жулики, бандиты, вредители, кулаки, министры Временного правительства, полковники, фармазоны... тысячи с лопатами, с тачками, с запалами – штурмовая ночь.

Где вода, почему вода, что за вода, если трещит мороз? Ни минуты покоя...»

«В этом сбивчивом, согретом теплым авторским чувством «реестре» отразилась напряженность забот и дел коммунистов – мастеров человеческой перековки», – писал о пьесе Н. Погодина известный критик. Перековка – вот главная тема пьесы...

Виртуозный вор, вор-«аристократ» Костя-«капитан» перековывается на Беломорстрое в «энтузиаста труда». Только и всего.

Медгору, Повенец, канал считал своей творческой родиной и Константин Симонов. Помните его «Номера в «Медвежьей горе»?

– Какой вам номер дать?

– Не всё ль равно, мне нужно в этом зимнем городке, чтоб спать – тюфяк, чтобы дышать – окно, и ключ, чтоб забывать его в замке...

В начале 30-х молодым станочником с фабрики «Мосфильма», сделавшим первые, самые начальные поэтические опыты, он приехал сюда в первую творческую командировку. «Меня поселили в одном бараке с заключенными, и они подбадривали: «Давай, давай, пробивайся», – вспоминал К. М. Симонов. О том, что он увидел в ту пору на канале, в известных произведениях отражения почти не нашло. Однако осталось доброе сыновнее чувство к северному краю, которое писатель с мировым именем сохранял всю жизнь.

После 30-х в ореоле писательской славы Константин Михайлович Симонов бывал в Карелии дважды. Однажды с семьей встречал Новый год в кругу партийно-советской номенклатуры в Шуйской Чупе. В начале 80-х, приехав с командировкой «Правды» в составе выездной редакции на Кондопожский бумкомбинат, совершил автомобильную

поездку из Петрозаводска, через Медвежьегорск, Повенец и трассу ББК.

С ним в поездке был партийный работник, председатель Гостелерадио Карелии Анатолий Прокуев, ставший затем до самого конца верным другом его семьи. Анатолий Иванович рассказывал мне, как Симонов останавливал вдруг машину, выходил на обочину дороги и долго-долго смотрел на мелкий окрестный лес и озера с бурой болотной водой. О чем думал тогда он, повидавший полмира? Вспоминал себя молодого, еще не обласканного вождями, не увенчанного орденами и государственными (Сталинскими) премиями, за которые пришлось заплатить чем-то невероятно важным, что для литератора такого масштаба не может быть предметом торга? Жалел ли он о чём, вернувшись к географической точке, с которой началась его творческая жизнь и судьба?

Однако был писатель, для которого ББК стал не просто эпизодом в творческой биографии и не только местом писательского рождения. Для М.М. Пришвина Беломорский канал оказался больше, чем то и другое, вместе взятые. Канал поставил перед писателем творческую задачу такой глубины и масштаба, которую Пришвин решал всю свою долгую жизнь и, по его собственному заключению, так и не решил.

1

Впервые Михаил Михайлович Пришвин приехал в Карелию, на Выгозеро, к месту, где позже проляжет трасса будущего канала, в 1906 году. В ту пору было ему около тридцати лет, и он испытал, может быть, первый в своей жизни серьёзный кризис. Позади у него остались сожженные мосты, а впереди полная неизвестность...

Биографы пишут, что подростком был он замкнут, мечтателен и своеволен – неулыба. Совсем маленьким гимназистом в Ельце наделал шума в семье, убежал в поисках неведомой волшебной страны, где всем правит справедливость. С таким характером юный максималист Михаил Пришвин самым естественным образом оказался в среде недовольных тогдашним общественно-политическим строем. Он вступил в подпольный кружок социал-демократов, читал «Капитал» К. Маркса, перевел с немецкого языка работу А. Бабея «Женщина и социализм».

И, разумеется, очень скоро оказался в руках охранки. В 1897 году Пришвина заключили в одиночку Митавской тюрьмы, а затем отправили в ссылку в родной Елец. Вопреки корыстно распространенному большевиками мнению о царском режиме в от-

ношении «революционеров»-террористов, режим на самом деле был весьма либерален.

Может быть, и зря...

В 1900 году Пришвин эмигрировал (выслан) в Германию. Здесь он окончил курс Лейпцигского университета по философскому факультету агрономического отделения (был, оказывается, и такой).

Пришвин вернулся в Россию в 1902 году (в других источниках в 1903 году) пережившим, а точнее сказать, – напроочь изжившим в себе революционные настроения. «Я вышел из положения тем, что не революцию, а себя признавал лишним, и ушел не в быт с чеховскими героями, а в то бытие, где зарождается поэзия», – писал о своих тогдашних настроениях в «Журавлиной родине».

Была здесь, конечно, и женская тема, некая русская студентка Варвара Измалкова, пылкая юношеская любовь на грани помрачения. Но Пришвин понял, что духовно незрел и не готов ничего дать серьезного взамен девичьей любви. Разрыв он перенес крайним напряжением духовных сил, на грани душевной болезни.

2

Вернувшись в Россию, Пришвин начал работать агрономом в Тульской губернии у графа Бобринского, затем в Клинском уездном земстве. Серьезную практику прошел при Петровской сельскохозяйственной академии под руководством известного ученого профессора Прянишникова. В 1905 году Пришвин занял должность агронома на опытной агрономической станции «Заполье», созданной в своем имении Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии ученым-агрохимиком и общественным деятелем А. Н. Энгельгардтом.

Именно в этот период будущий писатель начал свои литературные опыты. М. М. Пришвин составлял и издавал популярные книжки для специалистов земледелия и иных любителей проводить опыты в природе. Похожей популярной книжной продукцией и нынче завалены прилавки книжных магазинов – «Картофель в полевой и огородной культуре», «Об удобрении», «О разведении раков» и тому подобное. Тогда же это было внове и крайне востребовано. Любопытно, но и в этом, на первый взгляд, незатейливом деле проявилось неразвитое пока, но уже очевидное литературное дарование Пришвина. Много позже, в 1934 году, он записал в дневнике: «Агроном-картофельник (*имеется в виду известный ученый-селекционер А. Г. Лорх. – Прим. К. Г.*) приходил за советом ко мне, как к автору лучшей книги по картофелю, написанной 30 лет назад: почему ра-

дио, аэроплан за это время выдумали, но книг мало по картофелю, эта так и осталась единственной».

Между тем в Клину и под Лугой молодой, европейски образованный ученый и агроном душевно и физически маялся. Работой он не удовлетворен. Мало того, всё более и более тяготился своими занятиями. Как и гимназистом в далекую пору детства, теперь сложившимся 30-летним мужчиной он мечтал о неведомом крае, где царит первозданная природа, где «всё по справедливости», а человек добровольно и осознанно подчиняет эгоистическое «я» своему «внутреннему начальнику» – «надо», где между человеком и всем окружающим миром царит Гармония.

...Вот так и жил бы, как живут многие. Днем тянул лямку на службе, а ночами и по выходным пытался удовлетворять творческие потребности в той или иной форме – от плетения из бересты до писания историй родов или плохих романов. Пришвин исключил для себя подобное раздвоение. Мало того, он посчитал его безнравственным. Вот что он записал в дневнике: «Мой друг А.М. разделил свою жизнь на две: одна жизнь отдается службе, другая – любимому делу. И с этой мыслью он стал служить в Департаменте, получать по двадцатым числам каждого месяца жалованье. После же этой службы для хлеба он занимался литературой для души. Огромное большинство людей интеллигентных так именно и жило.

Мне пришло в голову, глядя на них, что это в корне безнравственное дело – разделять труд свой на «для души» и «для хлеба». Вовсе не понимая тогда всей глубины этого подвига – писать и только писанием зарабатывать себе деньги...»

Записано это много позже. Тогда же, агрономом, он еще не отдавал себе отчета в том, что выбирает дорогу, выложенную камнями, причём далеко не гладкими...

* * *

Жизнь Пришвина, внешне вполне благополучная, но исполненная болезненного душевного драматизма, шла своим чередом. И, как водится, точку в ней поставил случай. Попечитель агрономической станции, местный помещик генерал Глазенапп однажды потребовал, чтобы молодой сотрудник Пришвин прислал розы к какому-то семейному празднику. Сотрудник дерзко ответил, что цветы на станции существуют для научных опытных целей, а вовсе не для удовлетворения частных потребностей начальства. Нетрудно представить себе реакцию генерала: Пришвина немедленно уволили...

На последние деньги он купил охотничье ружье и

решил, что пути назад отрезаны. Позади он оставил университетский диплом, место с каким-никаким заработком, первые печатные труды по специальности. Впереди была полная неизвестность и небеспеченная семья.

3

Зимой 1906 года М. М. Пришвин приехал в Санкт-Петербург. Он живет на Малой Охте и сотрудничает с различными газетами. Журналистика его вовсе не привлекает, но ведь нужно хоть как-то кормиться. Знакомство и долгие беседы с этнографом Е. Н. Ончуковым породили в душе Пришвина привлекательную творческую идею. Она его так захватила, что он немедленно отправился к редактору журнала «Родник» и предложил ему повесть о мальчике, заблудившемся в лесу, – этаким «северном Робинзоне»...

Всё было бы здорово, только вот малая незадача: ни самого путешествия, ни рукописи ещё не было и в помине. Слегка оторопевшему редактору странный посетитель только обещал написать повесть по материалам путешествия на Север, в которое он только собирался отправиться...

Очень хорошо представляю себе ситуацию – сам был таким редактором. Какой-то неизвестный агроном. Полное отсутствие литературного опыта. Мечты о будущем путешествии. Сколько мечтателей сломало себе зубы на таких планах. Сколько авансов выплачено зря...

Разумеется, редактор постарался остудить пыл будущего «путешественника» и «писателя». Он посоветовал не торопиться с повестью и, коли такое путешествие состоится, попытаться написать для начала хотя бы небольшие очерки, цикл очерков. А потом, мол, посмотрим. На том и порешили.

Но Пришвин был достаточно подготовленным человеком, хорошо знающим реалии российской жизни. От известного собирателя фольклора Н. Е. Ончукова, уже побывавшего в Карелии, он выслушал много дельных советов. Ончуков свел его с академиком А. А. Шахматовым, который выправил для Пришвина открытый лист Академии наук. Документ удостоверял, что путешествие предпринимается с целью собирания материала по местным говорам и для этнографических исследований.

И в первых числах июня 1906 года на пароходе М.М. Пришвин отправился в путь на Север. Любопытно, что после поездки, словно бы в шутку, он напишет: «По опыту я знал, что в нашем отечестве теперь уже нет такого края непуганых птиц, где бы не

было урядника. Вот почему я запасаю от Академии наук и губернатора открытым листом».

Пришвин не знал, что вслед за разрешением на поездку по губернии олонекский губернатор разослал всем исправникам секретный циркуляр, которым строго предписывал: «иметь негласное наблюдение за деятельностью г. Пришвина и в случае, если в его действиях... будет усмотрено что-либо подозрительное, немедленно мне донести».

В России уже была одна революция. Власти вовсе не хотелось новой. И ко всяким столичным вояжерам, тем более если имена их уже были когда-то внесены в жандармские «святцы», относилась с большой опаской.

4

М. М. Пришвин приехал в Карелию, побывал на Выгозере и его островах, посетил деревню Надвоицы, расположенную у знаменитого Падуна – водопада у истока Нижнего Выга. По итогам поездки он издал сборник очерков «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края» (СПб, 1907, издатель А. Ф. Девриен). Книга богато иллюстрирована рисунками, сделанными по фотографиям автора и П. П. Ползунова. П. П. Ползунов служил сельским учителем в селе Паданы, куда однажды заехал Пришвин. Это был страстный охотник и рыбак. Незадолго до знакомства с Пришвиным Ползунов приобрел новенький фотоаппарат, который они вместе и осваивали, отправляясь в различные путешествия по окрестностям. Разобраться в книге, где фото Пришвина, а где Ползунова, теперь нет никакой возможности.

«Издателю Девриену очень понравились и мои фотографии, – вспоминал в 1926 году М.М. Пришвин, – и по-своему, наверно, и описание природы неведомого ему края, такого близкого к Петербургу и не менее таинственного, чем отдаленная Новая Гвинея и Центральная Африка. Швейцарец спросил меня еще:

– А нельзя ли там где-нибудь купить дачу?

– Комаров очень много, – ответил я.

Он опечалился. Мне показалось, что он из-за этого может разочароваться и в книге. Я поспешил успокоить старика будущностью края, когда болота будут осушены и уничтожены комары.

– Место, – сказал я, – можно купить и теперь, а дачу построить, когда осушат болота.

Он опять обрадовался, а я, осмелев, попросил его прослушать одну главу в моем чтении. Тогда он вышел в другую комнату, привел с собой детей, вероятно, внуков и внучек, усадил их и велел слушать.

После того как я прочел главу, старик, показав всем пример, велел детям аплодировать. Книга решительно понравилась издателю, и он тут же в первый разговор дал за неё мне шестьсот рублей и сдал в печать для роскошного издания».

Писать о первой книге Пришвина нужды нет. Она хорошо знакома, да и целые полки статей, исследований и книг о ней уже написаны. В июле 1957 года Институт языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР даже снарядил научную экспедицию по местам, описанным М.М. Пришвиным. С материалами экспедиции также можно познакомиться в архиве КНЦ РАН.

Первая книга Пришвина вызвала огромный интерес и у читателей, и в научной среде. Еще до её выхода, 6 апреля 1907 года, М. М. Пришвин сделал доклад на заседании Отдела этнографии Русского географического общества, вызвавший немалый интерес. А с выходом книги в 1910 году автора удостоили звания действительного члена Русского географического общества и наградили малой серебряной медалью. «Приятие обществом моего простейшего географического очерка открыло мне путь в литературу», – писал М. М. Пришвин в 1948 году.

5

Конечно, Пришвин мог так сказать о первой книге, написанной почти сорок лет назад. Между тем «простейший» географический очерк не так уж и прост. А для нас сегодняшних он и вовсе не имеет цены. Дело в том, что автор увидел то, что нам никогда уже не увидеть. Строители Беломорско-Балтийского канала заперли реки и превратили Выгозеро в водохранилище. Из-за этого площадь водного зеркала увеличилась более чем в два раза. Исчезли прежние очертания берегов и прибрежные ландшафты, перестали существовать, опустившись на дно, деревни, десятки островов и заливов. На их месте появились новые берега, новые заливы и острова. Внешний облик озера совершенно переменялся. Ученые гидрологи после войны отмечали, что иным стал даже химический состав воды.

Нынешнее Выгозеро совсем не то, каким видел его Михаил Михайлович Пришвин.

Вот, к примеру, крохотное пятнышко острова Карельский. На современной карте-двухкилометровке он занимает два-три миллиметра, не больше. А в начале XX века это был один из наиболее крупных и заселенных островов Выгозера. М. М. Пришвин достаточно долго прожил здесь во время первой экспедиции. В 1906 году он нашел на острове 30 дворов. Благополучие жите-

лей исследователь описал так: островитяне имели 30 неводов для лова рыбы, которыми пользовались сообща, по два двора; только у 16 хозяев имелись лошади; в трех дворах было по две коровы, а в пяти дворах коров вообще не имели...

По общим оценкам писателя, жизнь выгозерцев была невероятно бедна и ужасна:

«Карельский остров в этом отношении самое типичное место. Беднота тут страшная. Вид угнетающий. На этом острове даже леса нет – только вода да камень; у каменистого берега виднеется десятка два лодок, сушатся сети на козлах, и между ними копошится человек в лохмотьях; прибавить сюда группу почерневших от дождя и ветра изб, изгородей, кучку елей, скрывающих часовню, – вот и вся картина».

При постоянной нужде, в непрестанной борьбе со стихией у выгозерцев веками выработался свой, особый характер, о котором так много сообщает нам Пришвин. Совсем не случайно именно на Карельский остров перебрались и здесь закончили свои дни духовные наследники Выговского раскольничьего общезжителства. «Даниловский раскол, – писал Пришвин, – доканчивал свое существование на Карельском острове в молельной Любви Степановны Егоровой».

Это была именно та Любовь Степановна, дочь последнего островного «большака», у которой в 1903 году исследователь, фольклорист и собиратель народной поэзии Н. Е. Ончуков приобрел личный дневник. На Карельском острове жила также известная вопленица, плакальщица и подголосница Степановна Максимовна, жизнь которой также описал начинающий писатель Пришвин.

Совершенно особое место в книге и душе Пришвина занял Надвоицкий падун – водопад возле деревни Надвоицы, где река Нижний Выг вытекает из Выгозера и начинает свой путь к Белому морю. Образ этого водопада Пришвин пронесёт через всё творчество, опишет его многократно и в совершенно различных душевных состояниях.

«...Гул, хаос! Трудно сосредоточиться, невысказанно отдать себе отчет, что же я вижу? Но тянет и тянет смотреть, словно эта масса сцепленных частиц хочет захватить и увлечь с собой в бездну, испытать вместе всё, что там случится...»

«До этой встречи с водопадом в Надвоицах я не смел быть писателем, к чему меня в глубине души всегда очень тянуло; я, маленький агроном, казалось мне тогда, не должен браться за дело «гениев», перед которыми я благоговел...»

Внутреннее стремление к единству личной жизни и труда, которое Пришвин считал для себя нравственной основой существования, от впечатления

встречи с Надвоицким падуном перешло в новое качество. Оно переросло в сознание неразрывной связи между творческой личностью, творцом и обществом. С этого момента основной пришвинской темой, находящей отклик практически во всех его произведениях, стала «борьба каждого с самим собой и с людьми за единство всего человека». Глубочайшее осмысление этой темы на закате жизни автора книги очерков «В краю непуганых птиц» привело к другой книге, которая так и осталась незаконченной, – «Искусство как образ поведения».

«Все можно, кроме одного, для художника, – записал Пришвин в своем дневнике 17 февраля 1913 года, – к сожалению, часто бывает так, что нарушение всего, само по себе позволительное, влечет за собой и нарушение одного, той заповеди, без исполнения которой жизнь и творчество распыляются».

Много позже вдова писателя Валерия Дмитриевна подметила одно любопытное совпадение. В эти же дни (23 февраля 1913 года) знакомый Пришвина, обладавший для него громадным нравственным авторитетом, поэт Александр Блок записал в дневнике о том же, только более резко и определенно: «Вот эзотерическое, что нельзя говорить людям (одни – заключают, другие используют для своих позорных публицистических целей). Искусство связано с нравственностью».

Пришвин еще дважды побывал на Севере. В 1907 году он путешествовал на Крайний Север и посетил Норвегию. Карельское Поморье Пришвин увидел только проездом. Летом 1933 года фамилию М.М.Пришвина включили в список 120 ведущих литераторов России того времени. Их собрал ОГПУ для работы над монографией о строительстве Беломорско-Балтийского канала. «Бригада» писателей во главе с А. М. Горьким побывала в Медвежьегорске, Повенце, прошла на небольшом пароходике «Чеккист» по трассе новенького канала. А затем в Москве редколлегия отобрала из всего написанного очерки лишь 36 писателей. Авторские тексты коллективно переделали в отдельные главы, которые и составили книгу, к слову, вовсе не ту, которую заказывало руководство страны и ждали специалисты...

В результате вышла вовсе не ожидаемая монография о новых методах и формах строительства, инженерных и конструктивных находках, обширных исследованиях, проведенных в ходе работ на ББК. Ту, настоящую, монографию начали готовить специалисты. На Беломорстрое приказом руководства была образована и некоторое время существовала специальная редколлегия из заключенных – ученых из разных областей знания и практиков-инженеров. В частности, в нее включили и известного философа и писателя, профессора А. Ф. Лосева. В приказе

обозначена даже гонорарная шкала. К осени 1933 года основная часть серьезных и обстоятельных статей была написана. Однако серьезные труды специалистов остались невостребованными. Их заменили произведения, восхваляющие чекистов и методы перековки старого человеческого «материала» в новый. С некоторыми из научных статей сегодня можно познакомиться в фондах Национального архива Республики Карелия.

У ОГПУ получилось то, что и должно было получиться, – прекрасно исполненная ода чекистам, с портретом Г. Г. Ягоды в начале. PR-издание про неустанный труд чекистов по перековке конструкторов, инженеров, кулаков, бывших царских офицеров и прочих «каналоармейцев» в полезный для будущего советской страны «материал» было исполнено как подарочное издание к съезду большевиков. Близкие семьи Пришвиных рассказывали, что в последующие годы Михаил Михайлович был очень рад тому обстоятельству, что его текст не вошел в эту книгу.

6

Детские мечты о побеге в страну справедливости и правды, раннее желание написать повесть о маленьком северном Робинзоне – мальчике, заблудившемся в лесу, сам Выгозерский край, Карельский остров, раскольники, «божья колея», как называли северные люди след от ледника, Надвоицкий водопад-падуны, грандиозное строительство Беломорского канала... впечатления детства и весь жизненный опыт слились в душе Пришвина с выстраданной морально-нравственной идеей. Исподволь возникла и стала искать свое воплощение мысль о Главной книге жизни – романе-сказке «Осударева дорога». 12 июля 1937 года Пришвин записывает в дневнике:

«Начал работу над книгой «Канал» и должен выжать из неё все соки, какие в ней есть». 18 июля уточняет задачу: «Строительство канала нужно понимать из себя... Сгустить жизнь вокруг себя, и получится строительство канала. Мы все строим какой-то канал...»

Роман-сказку М. М. Пришвин писал с небольшими перерывами на другие произведения девятнадцать лет: с 1933 по 1952 год. «Все мои лучшие произведения являются этюдами к этой книге», – замечает он в дневнике. В конце лета 1947 года писатель завершил первую редакцию романа.

Ни один журнал в СССР печатать его не захотел... Рецензенты требовали либо существенных поправок, либо полной переработки текста. Пять раз Пришвин переделывает «Осудареву дорогу» (к сло-

ву, и названий у романа было несколько – «Падун», «Царь природы», «Канал»...).

Супруга писателя Валерия Дмитриевна отмечала в книге воспоминаний «Наш дом», вышедшей в 1977 году, что «борьба с собой у Пришвина была трудная, безысходная. Он был в те дни как распятый». Поздней осенью 1949 года, отчаявшийся бесконечной и бессмысленной борьбой с рецензентами и издательствами, Пришвин записал в дневнике: «Подумываю, не удрать ли вовсе из литературы. Можно бы дачу продать... устроиться в маленькой избушке: корова, поросенок, куры... Да так бы и жить потихоньку? Так мы с Л., верно, и сделаем».

Михаил Михайлович Пришвин так и не дождался публикации главной книги своей жизни. В 1954 году он умер. Понимая, что многочисленные поздние переделки и редакции «Осударевой дороги» художественно и философски ущербны, он записал: «Свидетельством моего художества останется не переработанный экземпляр...»

Фабула романа-сказки «Осударева дорога» внешне проста и даже наивна. В старинную поморскую староверческую деревню на берегу могучего порога приходят новые люди, чтобы исполнить дело большой государственной важности – построить канал. Для этого им предстоит очень много потрудиться, перекрыть течение большой и сильной реки, перестроить берега и окружающую природу. Но главное – изменить себя...

Посыльным начальника строительства на этом участке канала становится местный мальчик, которого все называют Зуйком, – так же, как зовут маленькую поморскую чайку. Через детское восприятие Зуйка автор рисует картину переустройства жизни, борьбы личного «хочу» с огромным общественно-государственным «надо». Борьба эта крайне сложна и исполнена мощного внутреннего драматизма. Пришвин показывает, как даже в чистой и незамутненной душе мальчика, свободной от напластований жизненного опыта, происходит «восстание», вспыхивают обиды против «начальников» вне и внутри себя...

Писатель демонстрирует, как трудно для обычного человека выработать в себе качество, высшее проявление которого достигается только в православном монашестве и которое именуется отсечением собственной воли. «...И кажется покинутому мальчику, до чего же им, должно быть, хорошо всем вместе идти на общее дело, как они счастливы, какая это добрая сила соединяет их в одного человека...»

В романе мальчик проходит через тернии. Обидевшись на взрослых, он бежит в лес с одним из старых заключенных, бывшим богачом, сманившим его

поисками такого края, где было бы всего в достатке, не нужно работать и где они стали бы «как цари»... С большими опасностями и трудностями, совершенно перерожденным в этой борьбе с самим собой и природой, Зуйк возвращается к людям...

«Мало ли что самому захочется, деточки, – говорит в романе старушка. – Не по желанию живите, не как самому хочется, а как надо всем нам жить...»

Сам автор так определил для себя главную мысль романа: «Тема моя: история души мальчика Зуйка в своем движении от обаяния религии к правде, от разделённости души на «хочется» и «надо» к «самому хочется того, что надо для всех».

Несмотря на многочисленные иносказания, идейно-философскую нагруженность, в романе Пришвина многое сказано прямо. Заключенные названы заключёнными – каналоармейцами, бывшие воры и бандиты – ворами и бандитами, чекисты – чекистами. При поверхностном чтении совсем нетрудно найти в романе мотивы оправдания средневековых методов работ, применявшихся на прокладке канала, и даже карательной политике НКВД, «перековывающей» десятки тысяч людей до полного уничтожения. Вот только два таких фрагмента, взятых из текста:

«...И потом, как бы ни были плохи люди, осужденные за свои преступления, все-таки и среди них в труде повседневном вставал и множился простой хороший человек, каких огромное большинство на земле. Этот труженик занял уже и здесь, на канале, свое первое место, и созданный им участок работы на канале стал его новой родиной. Даже и такие были, кто эту новую родину предпочел бы своей старой...»

«Тут на борту собрались инженеры, и каждый на лице своем нёс теперь отражение общего света человека-победителя; это были все люди, умевшие растворить личную обиду в труде, смыть её в творчестве...»

Однако думать, что писатель Михаил Пришвин захотел примерить на себя лавры другого писателя, Максима Горького, было бы неправильно...

7

Неустанные хлопоты по изданию романа вдовы писателя Валерии Дмитриевны Пришвиной дали результат только в 1957 году. Центральные журналы под всевозможными предлогами продолжали уклоняться от публикации, и только петрозаводский журнал «На рубеже» (с 1965 года и по настоящее время – «Север») под руководством главного редак-

тора Д. Я. Гусарова опубликовал «Осудареву дорогу» в четвертом и пятом номерах. И уже тогда стало ясно, что роман никем не понят и не принят...

Только год назад, в феврале 1956 года, прошел XX съезд партии, на котором впервые вслух было сказано о репрессивно-карательной политике И. Сталина против граждан страны. Обществу еще только предстояло по-новому осознать роль отдельных личностей в истории государства, переосмыслить и иначе оценить некоторые факты и явления в истории своего Отечества, которые прежде составляли безусловную гордость.

С выходом романа Валерия Дмитриевна обнаружила вокруг себя вакуум...

«Осударева дорога» была прочитана как апология сталинскому режиму. Многочисленные знакомые по писательскому дому в Лаврушинском переулке, жены тех, кто в 30-е годы воспевали политику Сталина, «одобряли» и «приветствовали» его «неустанную борьбу с врагами», а затем в большинстве сами оказались в лагерях, перестали с ней здороваться.

Ничуть не умнее повела себя власть. Задуманная Д. Я. Гусаровым публикация дневников М. М. Пришвина немедленно была пресечена Главлитом.

Однако цензура чуть-чуть запоздала. В том же 1957 году, только чуть позже, чем в журнале «На рубеже» (а вероятнее всего, благодаря ему), роман и значительная часть дневников вышли в собрании сочинений М. М. Пришвина в шести томах, выпущенном Государственным издательством художественной литературы.

Так была ли в романе Михаила Пришвина апология карательному режиму, той самой «перековке», от которой летели человеческие «щепки», или не было её? И что же в романе тогда было? Может быть, Пришвин, как и десятки его коллег по перу, «не увидел», а точнее, не захотел увидеть на Беломорстрое «красной каторги»? И он не встречал невинно осужденных, как «не встретили» десятки его именитых собратьев во главе с Горьким? Или, хуже того, и он посчитал, что «так и надо»?

Внимательное прочтение самого романа и дневниковых записей тех лет, посвященных многолетней мучительной работе, показывает, что всё-то он знал и всё видел. Вот, к примеру, наиболее характерные записи на этот счёт:

«1933 год. 25 июля. ...В бинокль: вспомнил Надвоицы, внизу узнавал долго и вдруг увидел – черные неподвижные камни, как беззубая почерневшая челюсть... а тогда была, как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути».

«1951 год. 20 сентября. До сих пор «Дорога...» не

выходила у меня потому, что я не мог себе представить чекиста, как мне надо, хорошим человеком...»

– Пришвин выстрадал и предложил нам в романе-сказке формулу нравственного преодоления таких фактов и явлений в истории нашего Отечества, как Беломорско-Балтийский канал, – считает литературный критик Иван Рогощенков. Формула его проста: забыть-не забыть, простить-не простить... Пришвин сам написал однажды: «Сказка – это выход из трагедии». Отсюда и главный герой романа – мальчик, ребенок, с незамутненной душой, с необременённой памятью, радостным восприятием настоящего и с ожиданием будущего...

«Я не беру такого человека из головы, – писал Пришвин в дневнике 1937 года, – не выдумываю, это я сам лично, поместивший занятие своё искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась не оскорблённой. Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из не оскорблённой части человеческого существа, и я взялся за неё, как за якорь личного спасения от оскорбления и злобы. Вот отчего в своих книгах я оптимист, и совсем неискорвимый, потому что всего себя отдал служению не оскорблённого существа человека».

ГУЛАГ, Беломорский канал и подобные им события и факты прошлого до сих пор держат нас своими холодными руками. «Если продолжать исторические «раскопки» в том же ключе, в котором они были начаты в 90-х в «Огоньке» Коротичем и ему подобными, мы так и останемся в историческом тупике и никогда не сможем двинуться вперед», – убежден критик И. К. Рогощенков.

И с ним трудно не согласиться.

В 1974 году Д. Я. Гусаров решил вернуться к публикации литературного наследия М. М. Пришвина. Валерия Дмитриевна живо откликнулась на просьбу редакции журнала. Заведующий отделом критики Иван Константинович Рогощенков в течение шести лет наезжал в Москву, жил в квартире Пришвиных и в загородном доме в Дунине. Многие часы он провёл в беседах с Валерией Дмитриевной и за разбором дневников Михаила Михайловича.

– Читайте, читайте, Иван Константинович, – подбадривала В. Д. Пришвина, – больше вы этого нигде не прочтете, – вспоминает он теперь те счастливые дни.

Мы до сих пор барахтаемся с нашим прошлым, не зная, как к нему относиться. Вчерашняя гордость сегодня выглядит стыдом, былыми поражениями призывают гордиться... Мудрец Пришвин оставил добрый совет, как нам с этим быть. Сегодня его совет, может быть, даже более актуален, чем в 1952 году. Он звучит примерно так: передумать и простить.

Но не забыть. Никак и никогда не забыть...

РУССКИЙ ДЕЛАТЕЛЬ

Об историческом романисте Дмитрии Михайловиче БАЛАШОВЕ

В октябре 1987 года по просьбе главного редактора журнала «Север» Дмитрия Яковлевича Гусарова я оставил газету в маленьком карельском городке Олонце и перешёл на работу в журнал. Перешел – громко сказано. Переходить было некуда, не было свободной должности. Д.Я.Гусаров взял меня «на договор», то есть без зарплаты.

Я жил в Олонце и писал для «Севера». Так продолжалось недолго. Я успел опубликовать в журнале только пару материалов, как Д. Я. Гусаров сказал, чтобы я «как-то перебирался в Петрозаводск» и «садился литсотрудником» в отдел прозы. А чтобы я не задавал лишних вопросов, показал в договоре строку, из которой следовало, что я обязан замещать штатных сотрудников на время отпусков и т.п. отлучек.

Предложение было лестным. Работать в литературном журнале в то время было престижно. Это считалось признанием определённого профессионального уровня. И я стал ездить из Олонца раз в неделю или две, жить в Петрозаводске у знакомых, родных и где попало. Уже с октября 1987 года я работал в отделе прозы, потом заведующим отделом очерка и публицистики. Летом 1990 года Дмитрий Яковлевич Гусаров ушел на пенсию, а его заменил давний соратник и многолетний заместитель Олег Назарович Тихонов. Меня поставили на его место – заместителем главного редактора.

В этом промежутке времени – с поздней осени 1987 года и примерно до весны-лета 1991 года я и оказался участником двух встреч с Дмитрием Михайловичем Балашовым.

Ранняя встреча произошла в Союзе писателей Карелии. Пришли писатели, сотрудники редакций журналов, литературный актив. Дмитрий Михайлович сидел в президиуме, как всегда, сосредоточенный и даже угрюмый. Мне кажется, это было нормальное его состояние. Мне и раньше приходилось встречать его на улицах Петрозаводска, он таким был всегда – сосредоточен, погружен в себя и даже немного угрюм.

Не помню, чему была посвящена встреча, но вопросы задавали, как всегда, – обо всём, и, как всегда, много среди них было поверхностных, пустых. Тогда Балашов хмурился, смотрел в стол и отвечал резко. Помню вопрос об источниках, которыми он пользуется при подготовке к работе

над романами, мол, кого из современных историков он предпочитает, кому больше доверяет? Дмитрий Михайлович ответил резко:

– Я работаю только с первоисточниками. Только! Русская история извращена и оболгана, и полагаться всецело ни на кого нельзя. Нам всем еще много нужно работать, чтобы очистить нашу историю как от прекраснотушных мифов, так и от откровенного вранья...

Кто-то стал длинно расспрашивать о православии, заповедях, о чём-то возвышенно заушном, пытаюсь при этом задеть писателя, указывая на «явный перебор» на этот счёт в его произведениях.

Тут нужно напомнить, что речь идёт о времени, когда православная христианская традиция оказалась в значительной степени вымыта из общественного сознания и не заняла еще того места, которое занимает теперь. По существу, мы все тогда мало чего знали. В Публичной библиотеке на абонементе был единственный экземпляр Библии, и очередь за ним нужно было занимать за несколько месяцев.

На 1000-километровом пространстве Карелии худо-бедно действовали три церкви: две в Петрозаводске и одна в Сортавале. Сам же Дмитрий Михайлович испытывал много горя при прохождении его романов в издательстве «Карелия». Как ни бился, а слово «Бог» цензура запрещала писать с прописной буквы. Вопрос ставился так: или со строчной, или роман в свет не выйдет!

Длинный и путаный вопрос Балашов дослушивать не стал. Он ответил на него с резкой прямотой:

– Что касается меня, то я христианин хреноватый. Да, были на Руси настоящие православные христиане, а я... О заповедях. Их всего две: возлюби Господа своего и возлюби ближнего своего как самого себя. Всё. Но что это значит? Жалеть? Сюсюкать? Нет! Вот у меня в деревне сенокос, сено высушил, нужно убирать, а вечер уже, или там туча, – пропадёт сено! И ты сгребашь, копнишь, возишь – потом изойдёшь, до полусмерти трудишься. Иначе никак нельзя крестьянину. И если я так к себе отношусь, почему я к ближнему должен относиться иначе? И у меня, и у него дом, скотина, семья, дети. Мы обязаны так работать! Вот это и есть любовь к ближнему как к самому себе...

Вторая встреча произошла позже в редакции журнала «Север». В первой половине дня по кабинетам прошелестело: «Балашов приехал. Новую вещь привёз». Через полчаса секретарша Ольга пробежала по коридору: «Редактор зовёт». В кабинете главного редактора сидели гости – Дмитрий Яковлевич Гусаров и Дмитрий Михай-

лович. Гусаров уже не работал в редакции. Раз-два в неделю он заходил, какой-то подавленный и немного смущённый. Они с Тихоновым подолгу молча курили в редакторском кабинете.

Дмитрий Михайлович Балашов явно с дороги, немного уставший и чем-то заведённый. Поздоровались. Особенно тепло Балашов потряс руку нашего заведующего прозой Геннадия Васильевича Малышева. Только Малышеву в журнале давали редактировать Балашова. Про Гусарова не скажу, не знаю, но только малышевские замечания и правку со всей внимательностью принимал Дмитрий Михайлович. Геннадий Васильевич – журналист и великолепный редактор. Сам же он никогда не писал ни прозы, ни стихов.

«Персональное» редактирование в журналах той поры применительно к авторам, которыми редакция дорожила, – это было нормально. Также нормальным было и то, что только одной машинистке в Петрозаводске давал Балашов перепечатывать свои романы. Звали её Тамарой Дмитриевной Разумовой. Она всю жизнь работала в молодёжной газете «Комсомолец» и отличалась тем, что обладала недюжинным литературным вкусом и чрезвычайной принципиальностью. В «Комсомольце» бывали случаи, когда текст ей не нравился, был стилистически коряв или безграмотен. Тогда Тамара Дмитриевна поднималась и шла в кабинет главного редактора. Там она, не говоря ни слова, швыряла листки на стол и возвращалась к себе в машбюро. Фамилия автора под текстом для неё не значила ничего. Ни один редактор не смел перечить Разумовой, и возвращённый машинисткой текст немедленно отправлялся на доработку.

К Тамаре Дмитриевне всегда стояла очередь из писателей и учёных Карельского научного центра РАН и петрозаводских вузов, мечтающих, чтобы именно Разумова отпечатала текст романа, диссертации или монографии.

Когда в конце 1992 года мне поручили организовать выпуск газеты Верховного Совета «Карелия», я поехал к Тамаре Дмитриевне домой и уговорил её поработать со мной. Она в два счёта освоила компьютер и отработала в редакции ещё добрый десяток лет. Самым любопытным в этой истории остаётся то обстоятельство, что образования у Тамары Дмитриевны насчитывалось всего... пять классов.

...Расселись. Тихонов с едва сдерживаемой радостью в голосе объявил, что в портфеле журнала появился новый и долгожданный роман всеми уважаемого Дмитрия Михайловича.

– Сейчас читаем, обсудим и будем менять планирование ближних номеров.

– Да, да, нужно дать анонс уже в ближайшем номере, – не удержался от совета Гусаров. – И, немного смутившись, добавил: – Пусть читатель ждёт...

Разговор пошёл обо всём на свете и, как это всегда бывает в сугубо мужской компании, быстро свернул на политику. В это время в столице шумел съезд народных депутатов. По телевидению шла непрерывная трансляция, и все мы были словно бы наэлектризованы. Страна жила в состоянии постоянного стресса. Каждый день могло случиться что-то непоправимое. Уже прибалтийские республики заявили о выходе из состава СССР. Накануне спецназ атаковал телевизионную башню в Вильнюсе. Пахло грозой...

Балашов загорелся взглядом, сжался, как перед броском:

– Не понимаю наших правителей, – говорил он резко. – Чего они ждут? Страну разваливают на куски безответственные люди.

– А что тут поделаешь, Дмитрий Михайлович, – сказал кто-то. – Конституция, право наций на самоопределение. Суверенитет, прости Господи...

– Силу нужно проявить, вот что! Государственную волю! Власть! – отрезал он жестко.

– Так ведь тогда гражданская война...

– Какая война? С кем воевать? С болтунами этими?! Вы посмотрите: рота наших солдат в Вильнюсе появилась, и Прибалтика хвост прижала. Все три республики затряслись и помощи запросили. А если полк?

В те дни угроза гражданской войны стала жупелом, которым пугали с различных трибун, газетных страниц и экранов телевизора. И от этого она казалась нам вполне реальной. Но историк и писатель Дмитрий Михайлович Балашов знал о глубинном народном духе гораздо больше нас. И думаю сейчас, что во время государственного безволия, апатии и общественного нестроения он был прав больше, чем весь съезд народных депутатов с тогдашними кремлёвскими разрушителями, вместе взятые.

НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ

*О путешественнике, историке, археологе,
писателе и публицисте
Андрее Леонидовиче НИКИТИНЕ*

В воскресенье, 13 ноября 2012 года, в московской больнице умер путешественник, писатель, публицист и ученый Андрей Леонидович Никитин. Та «дрянь», о которой он написал мне в августе и которую хирурги удаляли у него раз за разом, а он, как мальчишка, радовался, что по этой причине откладывается очередная поездка и образуется новое время для работы, настигла его неожиданно, будто из засады. Он и неделю не пролежал на больничной койке...

Читающие люди Андрея Никитина знают давно. С 1963 года он активно печатался в журналах с немислимыми теперь тиражами – «Смена», «Знание – сила», «Вокруг света», «Наука и религия». А десятью годами позже очерки и статьи А. Никитина, принятого в Союз писателей СССР при горячей поддержке Федора Абрамова, узнали читатели толстых литературных журналов «Москва», «Октябрь», «Новый мир», а также «Литературной газеты».

Просто удивительно, как много успел этот человек, шагавший не в ногу с идеями, принятыми в научной среде. Окончив исторический факультет МГУ, он учился в аспирантуре Института археологии АН СССР и затем многие годы посвятил работе «в поле». Руководителем археологических экспедиций Никитин занимался раскопками в Новгороде, Ереване, под Владимиром, на Тамани, в Молдавии, Ярославской области и на Терском берегу Белого моря.

К началу 80-х Андрей Никитин признан одним из наиболее осведомленных знатоков не только в археологии, но и в палеогеографии и исторической экологии Восточной Европы. Поэтому когда в сферу его интересов вошли проблемы Древней Руси, русское летописание, древнерусская литература и особенно «Слово о полку Игореве», очень скоро выяснилось, что взгляды Никитина гораздо объемней и многогранней, чем те, к которым мы привыкли и которые нам навязывали так называемые признанные авторитеты. Но именно здесь Никитина поджидали большие проблемы. За новое прочтение неясных и спорных мест в летописях и особенно за «Слово о полку Игореве» ему досталось более всего.

Он был историк, археолог, палеогеограф и специалист по исторической экологии и потому рассматривал древние тексты одновременно со всех

точек зрения. А бороться ему приходилось с филологами. Словно на кадрах старой кинохроники, он видел места, где происходили описываемые в летописях события, и в анализе «накладывал» их на текст. Филологи знали только текст и обвиняли его в «любителщине», «отсутствии патриотизма» и крыли его доводы высокими академическими званиями.

«Крестовый поход» против Никитина возглавил академик от филологии Д. С. Лихачёв. «Придворный интеллигент», «совесть нации», имеющий свободный доступ лично к Горбачёву и верхушке Политбюро, написал на А. Л. Никитина донос в ЦК КПСС. Последствия доноса и последовавшей за ним травли из окружения академика оказались катастрофическими для А.Л.Никитина. В типографиях рассыпали принятые издательствами и уже набранные книги, а из журналов возвратили заверстаные в текущие номера рукописи. ЦК определил для Никитина только одну область интересов – Белое море, Поморье. И закрыл для исследования все другие.

Это произошло при Горбачеве, в 1985 году.

Словно в русском средневековье, Поморье снова стало для Никитина местом ссылки, хотя и творческой, интеллектуальной. И, наверное, есть неведомая нам историческая закономерность в том, что писатель Никитин оказался в ссылке на Севере вслед за своими родителями. Все главные черты русских московских интеллигентов вполне были приняты им. Скрупулёзность и бескомпромиссность исследователя, неприятие стадного чувства, так энергично насаждаемого большевиками, постоянное, непрерывное личное самосовершенствование...

Его отец, театральный художник Л. А. Никитин, и мать В. Р. Никитина в начале 30-х годов были репрессированы и работали на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Лагерные дневники В. Р. Никитиной публиковал в 1991 году журнал «Север».

И в теме разрешенного к исследованию Поморья писатель Никитин обнаружил особую точку зрения. Его очерки и книги о заселении этих мест, о викингах и Биармии были встречены узкими специалистами если и не бурным возмущением, то ропотом и неудовольствием. И снова зазвучали упреки именитых и увенчанных в «непатриотичности».

Ох уж этот патриотизм в науке! Один из ведущих историков Петровской эпохи в России Ю.Беспятных, применительно к исследованиям «Осударевой дороги», однажды сдержанно выразился: «Исследовательский энтузиазм до сих пор

заметно уступал патриотическому». А по-настоящему, осведомленный историк по этой проблеме петрозаводчанин М. Ю. Данков признался мне, что долгое время просто боялся произнести вслух своё выношенное мнение: ну не тащил Петр Первый фрегаты из Белого моря в Онежское озеро! Не тащил! Настолько это могло показаться «непатриотичным».

Андрей Никитин оказался единственным из публицистов страны, кто вступился за невинно осужденных руководителей рыболовецких колхозов Терского берега Белого моря. Единственным! Тогда, в 1986 году, мурманские милиционерские чины захотели устроить свое громкое «дело» с «миллионными хищениями». Вслед за нашумевшим по стране «делом «Океан» они намеревались показать, что они в Мурманске молодцы, тем самым отметить в «перестройке» и получить очередные звезды на погоны.

Выдуманное в милиции «дело» называлось «делом Гитермана», по имени председателя Мурманского рыбколхозсоюза Юлия Ефимовича Гитермана. Андрей Никитин «по винтикам» разобрал всю их неуклюжую комбинацию, а Генеральная прокуратура СССР отреагировала на его очерки восстановлением попранной справедливости. Почитайте «Остановку в ЧапOME» Андрея Никитина, в ней вы найдете многое о Поморском берегу, чего не знали раньше, – и оптимистически радостное, и горько справедливое. А главное – встретитесь с автором, его безграничным

знанием, неожиданными и свежими мыслями о нашей жизни и всегдашними оптимизмом и надеждой.

«Сейчас мы встанем и шагнем за порог, навстречу ветру, несущему песок и брызги, навстречу волнам и солнцу, навстречу дню, который еще далек от своего завершения...»

Так заканчивается «Остановка в ЧапOME» – одна из лучших очерковых книг 90-х годов. Но кроме этой Андрей Леонидович Никитин оставил нам два десятка других книг. И каждая – это порог, за которым и новый ветер, и новые брызги в лицо, и день, который еще далек от своего завершения.

(Окончание в следующем номере)

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

– публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

